

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности части 3 статьи 17
Федерального закона «О страховых пенсиях» в связи с жалобой
гражданки И.К.Дашковой

город Санкт-Петербург

22 апреля 2020 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя
В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря,
Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева, С.Д.Князева,
А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова,
Ю.Д.Рудкина, В.Г.Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской
Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3,
частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального
конституционного закона «О Конституционном Суде Российской
Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке
конституционности части 3 статьи 17 Федерального закона «О страховых
пенсиях».

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданки
И.К.Дашковой. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся

неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспариваемое заявителем законоположение.

Заслушав сообщение судьи-докладчика С.П.Маврина, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. В соответствии с частью 3 статьи 17 Федерального закона от 28 декабря 2013 года № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» лицам, на иждивении которых находятся нетрудоспособные члены семьи, указанные в пунктах 1, 3 и 4 части 2 статьи 10 данного Федерального закона, повышение фиксированной выплаты к страховой пенсии по старости и к страховой пенсии по инвалидности устанавливается в сумме, равной одной третьей суммы, предусмотренной частью 1 статьи 16 данного Федерального закона, на каждого нетрудоспособного члена семьи, но не более чем на трех нетрудоспособных членов семьи.

1.1. Конституционность приведенного законоположения оспаривает гражданка И.К.Дашкова – мать и опекун гражданина К.С.Дашкова, 1999 года рождения, который в 2002 году был признан ребенком-инвалидом, а в 2017 году – инвалидом с детства I группы. Кроме того, решением Ленинского районного суда города Челябинска от 5 февраля 2015 года К.С.Дашков признан недееспособным.

В период до июня 2017 года включительно заявительнице выплачивалась ежемесячная денежная выплата как неработающему трудоспособному лицу, осуществляющему уход за ребенком-инвалидом, а затем в связи с достижением И.К.Дашковой возраста 50 лет ей как матери ребенка-инвалида, воспитавшей его до 8-летнего возраста, была досрочно назначена страховая пенсия по старости, размер которой, по информации, предоставленной Управлением Пенсионного фонда Российской Федерации в Ленинском районе города Челябинска, составил 9829,28 рублей, в том числе 6406,81 рублей – фиксированная выплата к данной пенсии с учетом ее

повышения на одного иждивенца. Однако начиная с августа 2017 года фиксированная выплата к установленной заявительнице страховой пенсии по старости стала начисляться в стандартном размере – 4805,11 рублей, при этом суммарный размер ее страховой пенсии по старости с учетом указанной фиксированной выплаты составил 8227,58 рублей.

Решением Ленинского районного суда города Челябинска от 17 мая 2018 года, оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Челябинского областного суда от 30 июля 2018 года, И.К.Дашковой отказано в установлении факта нахождения сына на ее иждивении и в перерасчете страховой пенсии по старости. При этом суды, ссылаясь в том числе на часть 3 статьи 17 Федерального закона «О страховых пенсиях», пришли к выводу об отсутствии правовых оснований для повышения фиксированной выплаты к назначенной заявительнице страховой пенсии по старости. Как было установлено судами, размер получаемых К.С.Дашковым социальных выплат, включая социальную пенсию по инвалидности, ежемесячную денежную выплату инвалиду I группы, ежемесячную компенсационную выплату на уход и ежемесячную компенсацию расходов на оплату жилья и коммунальных услуг, превышает размер страховой пенсии по старости, назначенной самой заявительнице, а потому ее доход, состоящий исключительно из указанной пенсии, не может рассматриваться как постоянный и основной источник средств к существованию ее сына, который в силу этого не может быть признан иждивенцем И.К.Дашковой. Сам же по себе факт нетрудоспособности К.С.Дашкова, по мнению судов, не может служить достаточным доказательством для признания его находящимся на иждивении матери.

В передаче кассационных жалоб И.К.Дашковой для рассмотрения в судебном заседании судов кассационной инстанции также отказано (определение судьи Челябинского областного суда от 30 января 2019 года, определение судьи Верховного Суда Российской Федерации от 25 марта 2019 года).

1.2. В силу статей 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» Конституционный Суд Российской Федерации, проверяя по жалобе гражданина конституционность закона или отдельных его положений, примененных в конкретном деле, рассмотрение которого завершено в суде, и затрагивающих конституционные права и свободы, на нарушение которых ссылается заявитель, принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению, оценивая как буквальный смысл рассматриваемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм.

По мнению И.К.Дашковой, истолкование судами общей юрисдикции при разрешении ее дела части 3 статьи 17 Федерального закона «О страховых пенсиях» как предполагающей необходимость доказывания факта нахождения сына – инвалида с детства I группы, признанного судом недееспособным, на иждивении матери, при наличии в судебной практике решений, принятых исходя из презумпции такого иждивения, свидетельствует – вопреки предписаниям Конституции Российской Федерации, ее статей 6 (часть 2), 15 (часть 4), 17 (часть 1), 18, 19 и 55 (части 1 и 3), – о неопределенности содержания указанного законоположения и обуславливает необходимость выявления такого его конституционно-правового смысла, который позволил бы установить заявительнице фиксированную выплату к страховой пенсии по старости в повышенном размере и тем самым устранить нарушение ее конституционного права на социальное обеспечение.

Исходя из этого конституционность части 3 статьи 17 Федерального закона «О страховых пенсиях» оспаривается заявительницей в связи со снижением размера фиксированной выплаты к установленной ей страховой пенсии по старости ввиду невозможности отнесения ее сына, являющегося инвалидом с детства I группы и признанного судом недееспособным, к

категории нетрудоспособных иждивенцев, несмотря на нуждаемость его в постоянном постороннем уходе и помощи (надзоре), а также продолжение фактического осуществления такого ухода самой И.К.Дашковой и после достижения К.С.Дашковым совершеннолетнего возраста.

Поскольку оспариваемое заявителем законоположение само по себе не содержит понятия иждивения и не определяет круг лиц, признаваемых иждивенцами для целей назначения фиксированной выплаты к страховой пенсии по старости в повышенном размере, оно подлежит применению в системной взаимосвязи с иными нормами Федерального закона «О страховых пенсиях», в частности с положениями его статьи 10, устанавливающей соответствующее правовое регулирование применительно к пенсионному обеспечению по случаю потери кормильца. В силу этого надлежащая конституционно-правовая оценка части 3 статьи 17 названного Федерального закона возможна лишь в нормативном единстве с указанными законоположениями.

Таким образом, часть 3 статьи 17 Федерального закона «О страховых пенсиях» является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу в той мере, в какой она, действуя в нормативном единстве с иными положениями названного Федерального закона, служит основанием для решения вопроса о праве родителя инвалида с детства на сохранение после достижения этим инвалидом совершеннолетнего возраста и признания его судом недееспособным повышенной фиксированной выплаты к страховой пенсии по старости, установленной такому родителю, притом что он фактически продолжает осуществлять необходимые данному инвалиду с детства постоянный уход и помощь (надзор).

2. Провозглашая человека, его права и свободы высшей ценностью, а признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина – обязанностью государства, Конституция Российской Федерации устанавливает, что Россия является демократическим правовым и социальным государством, в котором указанные права и свободы

определяют смысл, содержание и применение законов и обеспечиваются правосудием и политика которого – исходя из ответственности перед нынешним и будущими поколениями, стремления обеспечить их благополучие и процветание – направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (преамбула; статья 1, часть 1; статья 2; статья 7, часть 1; статьи 17 и 18); в Российской Федерации как социальном государстве обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты (статья 7, часть 2); материнство и детство, семья находятся под защитой государства (статья 38, часть 1).

При этом Конституция Российской Федерации, гарантируя каждому социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом, относит определение механизма реализации данного конституционного права, в том числе установление порядка и условий пенсионного обеспечения, к компетенции законодателя (статья 39, части 1 и 2).

Осуществляя соответствующее правовое регулирование, федеральный законодатель располагает достаточно широкой свободой усмотрения и, предусматривая в законе правовые основания назначения пенсий, порядок их исчисления и выплаты, вправе устанавливать для отдельных категорий граждан специальные правила пенсионного обеспечения, учитывающие применительно к данным лицам особые объективно значимые обстоятельства, влияющие, в числе прочего, на размер назначаемых им пенсий. Такого рода дифференцированный подход при установлении условий и размеров пенсионного обеспечения согласуется и с предписаниями статей 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, которая, как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, допускает существование

различий в правах граждан в той или иной сфере правового регулирования, если такие различия объективно оправданны, обоснованы и преследуют конституционно значимые цели, а используемые для достижения указанных целей правовые средства соразмерны им. При этом критерии (признаки), лежащие в основе установления соответствующих специальных норм, должны определяться с учетом преследуемой цели дифференциации в правовом регулировании, т.е. сами критерии и правовые последствия дифференциации должны быть сущностно взаимообусловлены (постановления от 3 июня 2004 года № 11-П и от 15 декабря 2011 года № 28-П; определения от 12 июля 2006 года № 261-О, от 3 октября 2006 года № 471-О и др.).

3. Устанавливая в Федеральном законе «О страховых пенсиях» основания возникновения и порядок реализации прав граждан Российской Федерации на страховые пенсии (часть 1 статьи 1) и предусматривая в качестве дополнительного обеспечения лиц, имеющих право на страховую пенсию в соответствии с данным Федеральным законом, фиксированную выплату к ней (пункт 6 статьи 3), законодатель определил круг получателей такого рода выплаты и ее размер (статья 16), а также закрепил возможность повышения фиксированной выплаты к страховой пенсии по старости и к страховой пенсии по инвалидности для отдельных категорий граждан, в том числе для лиц, на иждивении которых находятся нетрудоспособные члены семьи (статья 17).

При этом, поскольку нетрудоспособность, по общему правилу, определяется на основании возрастных критериев либо обуславливается наличием инвалидности, к нетрудоспособным членам семьи, находящиеся на иждивении лица, являющегося получателем страховой пенсии по старости либо страховой пенсии по инвалидности, дает ему право на повышение фиксированной выплаты к пенсии, часть 3 статьи 17 Федерального закона «О страховых пенсиях» относит лиц, признаваемых нетрудоспособными членами семьи умершего кормильца для целей получения пенсии по случаю потери кормильца и указанных в пунктах 1, 3

и 4 части 2 статьи 10 данного Федерального закона, а именно: детей, братьев, сестер и внуков, не достигших возраста 18 лет, а также детей, братьев, сестер и внуков, обучающихся по очной форме обучения по основным образовательным программам в организациях, осуществляющих образовательную деятельность, в том числе в иностранных организациях, расположенных за пределами территории Российской Федерации, до окончания ими такого обучения, но не дольше чем до достижения ими возраста 23 лет, а равно детей, братьев, сестер и внуков старше этого возраста, если они до достижения возраста 18 лет стали инвалидами; при этом братья, сестры и внуки признаются нетрудоспособными членами семьи при условии, что они не имеют трудоспособных родителей; родителей и супруга, если они достигли возраста 65 и 60 лет (соответственно мужчины и женщины) (с учетом положений, предусмотренных приложением 6 к данному Федеральному закону) либо являются инвалидами; бабушку и дедушку, если они достигли возраста 65 и 60 лет (соответственно мужчины и женщины) (с учетом положений, предусмотренных приложением 6 к данному Федеральному закону) либо являются инвалидами, при отсутствии лиц, которые в соответствии с законодательством Российской Федерации обязаны их содержать.

При наличии на иждивении у лица, являющегося получателем страховой пенсии по старости либо страховой пенсии по инвалидности, одного или нескольких нетрудоспособных членов семьи, относящихся к какой-либо из указанных категорий, повышение фиксированной выплаты к пенсии устанавливается в сумме, равной одной третьей суммы, предусмотренной частью 1 статьи 16 Федерального закона «О страховых пенсиях» (с 1 января 2020 года – 5686 рублей 25 копеек), на каждого нетрудоспособного члена семьи, но не более чем на трех нетрудоспособных членов семьи.

Таким образом, установленное частью 3 статьи 17 Федерального закона «О страховых пенсиях» повышение фиксированной выплаты к страховой пенсии по старости и к страховой пенсии по инвалидности

представляет собой способ материальной компенсации иждивенческой нагрузки получателя соответствующей пенсии, а потому право на повышенную фиксированную выплату к страховой пенсии по старости и к страховой пенсии по инвалидности связывается законодателем с фактом наличия на иждивении у лица, получающего такую пенсию, нетрудоспособного члена семьи, относящегося к какой-либо из предусмотренных законом категорий.

4. Нормативное содержание понятия «иждивение» раскрывается в части 3 статьи 10 Федерального закона «О страховых пенсиях» применительно к определению круга лиц, имеющих право на назначение пенсии по случаю потери кормильца. Данное законоположение предусматривает, что члены семьи умершего кормильца признаются состоявшими на его иждивении, если они находились на его полном содержании или получали от него помощь, которая была для них постоянным и основным источником средств к существованию. Аналогичная правовая норма содержалась и в пункте 3 статьи 9 Федерального закона от 17 декабря 2001 года № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации».

Конституционный Суд Российской Федерации ранее указывал, что такое понятие иждивения предполагает как полное содержание лица умершим кормильцем, так и получение от него содержания, являвшегося для этого лица основным, но не единственным источником средств к существованию, т.е. не исключает наличие у лица (члена семьи) умершего кормильца какого-либо собственного дохода (Определение от 30 сентября 2010 года № 1260-О-О).

При этом признание нетрудоспособных членов семьи находящимися на иждивении умершего кормильца осуществляется с применением положений части 4 статьи 10 Федерального закона «О страховых пенсиях», устанавливающей презумпцию нахождения детей на иждивении своих родителей, за исключением детей, объявленных в соответствии с законодательством Российской Федерации полностью дееспособными или

достигших возраста 18 лет. Это означает, что нахождение детей, не достигших возраста 18 лет, на иждивении своих родителей не требует доказательств, в то время как в отношении детей, объявленных полностью дееспособными или достигших возраста 18 лет, факт нахождения на иждивении их родителей подлежит доказыванию в предусмотренном законом порядке.

Данный общий подход распространяется в том числе и на детей-инвалидов, а также лиц, достигших 18 лет и ставших инвалидами до достижения этого возраста (инвалидов с детства), которых федеральный законодатель хотя и относит к категории нетрудоспособных членов семьи умершего кормильца для целей получения пенсии по случаю потери кормильца, однако прямо не признает их априори состоящими на иждивении своих родителей.

Приведенное правовое регулирование – при отсутствии в законодательстве каких-либо специальных положений – подлежит применению и при рассмотрении вопроса о признании ребенка-инвалида или инвалида с детства находящимся на иждивении у его родителя, являющегося получателем страховой пенсии по старости либо страховой пенсии по инвалидности, для определения наличия у данного родителя права на повышение фиксированной выплаты к соответствующей пенсии на основании части 3 статьи 17 Федерального закона «О страховых пенсиях».

Исходя из этого родитель, осуществляющий уход за ребенком-инвалидом в возрасте до 18 лет, – в силу презумпции иждивенства, прямо установленной законом только в отношении несовершеннолетних детей, – имеет безусловное право на предусмотренное указанным законоположением повышение фиксированной выплаты к страховой пенсии по старости или к страховой пенсии по инвалидности. В случае же продолжения фактического осуществления таким родителем ухода за своим ребенком-инвалидом после достижения им совершеннолетия и отнесения его к категории «инвалид с детства» право на повышенную фиксированную выплату к установленной данному родителю страховой пенсии по старости

или к страховой пенсии по инвалидности сохраняется за ним лишь при условии, что его совершеннолетний ребенок, признанный инвалидом с детства, по-прежнему находится на его иждивении. При этом сказанное актуально и в отношении родителя инвалида с детства, признанного судом недееспособным и нуждающегося в постоянном постороннем уходе и помощи (надзоре).

5. Тем не менее в судебной практике при решении вопроса о наличии у родителя инвалида с детства, в том числе признанного судом недееспособным и нуждающегося в постоянном постороннем уходе и помощи (надзоре), права на повышение фиксированной выплаты к установленной ему страховой пенсии по старости на основании части 3 статьи 17 Федерального закона «О страховых пенсиях» не сложилось единого подхода к пониманию условий признания такого инвалида находящимся на иждивении своего родителя.

В ряде случаев суды толкуют часть 3 статьи 17 Федерального закона «О страховых пенсиях» во взаимосвязи с частями 3 и 4 его статьи 10 как предполагающую повышение фиксированной выплаты к страховой пенсии по старости, назначенной родителю инвалида с детства, лишь при условии установления факта нахождения такого инвалида на иждивении своего родителя, притом что состояние иждивенства инвалида с детства подразумевает, помимо его нетрудоспособности, также получение им от своего родителя помощи, являющейся для него постоянным и основным источником средств к существованию. Соответственно, принимая во внимание наличие у инвалидов с детства собственного источника дохода в виде социальной пенсии по инвалидности, а также иных выплат, предусмотренных для этой категории граждан действующим законодательством (ежемесячная денежная выплата инвалидам, ежемесячная компенсационная выплата на уход, компенсация расходов по оплате жилья и коммунальных услуг и др.), суды при установлении факта нахождения инвалида с детства на иждивении своего родителя исходят из необходимости сопоставления совокупного размера дохода инвалида с

детства и размера дохода его родителя (например, апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Ульяновского областного суда от 19 апреля 2016 года по делу № 33-1816/2016, апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Алтайского краевого суда от 15 ноября 2017 года по делу № 33-11515/2017 и др.).

При таком подходе, если размер дохода инвалида с детства превышает размер дохода его родителя (а такая ситуация вполне возможна при отсутствии у родителя инвалида с детства иных источников дохода, кроме страховой пенсии по старости), суды принимают решения об отсутствии возможности получения инвалидом с детства от своего родителя такой помощи, которая представляла бы для него постоянный и основной источник средств к существованию, а значит – и об отсутствии правовых оснований для признания его находящимся на иждивении своего родителя.

Подобное истолкование части 3 статьи 17 Федерального закона «О страховых пенсиях» в системе действующего правового регулирования приводит к тому, что родителю, осуществлявшему уход за ребенком-инвалидом в возрасте до 18 лет и получавшему повышенную фиксированную выплату к страховой пенсии по старости, после достижения ребенком-инвалидом указанного возраста и отнесения его к категории «инвалид с детства» – при отсутствии оснований для признания этого инвалида с детства находящимся на иждивении данного родителя исходя из соотношения их доходов – фиксированная выплата к соответствующей пенсии начинает начисляться в стандартном размере (т.е. без ее повышения на нетрудоспособного иждивенца), и в этом случае размер пенсионного обеспечения такого родителя реально снижается.

В то же время в судебной практике имеются примеры и иного истолкования части 3 статьи 17 Федерального закона «О страховых пенсиях» – как предполагающей повышение фиксированной выплаты к страховой пенсии по старости, назначенной родителю инвалида с детства, в силу самого признания конкретного инвалида с детства находящимся на

иждивении своего родителя, притом что состояние иждивенства ребенка-инвалида по отношению к его родителю презюмируется и после достижения этим ребенком-инвалидом совершеннолетнего возраста и признания его инвалидом с детства (например, апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Пензенского областного суда от 19 сентября 2017 года по делу № 33-3079/2017; апелляционные определения судебной коллегии по гражданским делам Ростовского областного суда от 27 ноября 2018 года по делу № 33-20970/2018, от 4 июня 2019 года по делу № 33-9574/2019, от 11 июля 2019 года по делу № 33-11748/2019 и др.). При этом суды, руководствуясь конституционными принципами правового государства, справедливости, гуманизма, а также конституционными предписаниями о социальном характере государства, государственной поддержке семьи и инвалидов, защите государством детства и семьи (статья 1, часть 1; статья 7; статья 38, часть 1, Конституции Российской Федерации), полагают, что для признания инвалида с детства находящимся на иждивении своего родителя не имеет значения соотношение размеров доходов самого инвалида с детства и его родителя, поскольку помощь, которую оказывает инвалиду с детства его родитель при осуществлении необходимого такому инвалиду постоянного ухода за ним и после достижения совершеннолетия, может выражаться не только непосредственно в денежной форме, но и в иных, также требующих определенных денежных затрат, формах (например, в приобретении продуктов питания, одежды, лекарственных средств, оплате медицинских и иных услуг в целях жизнеобеспечения инвалида с детства и др.).

Данный подход позволяет сохранять родителю, осуществлявшему уход за ребенком-инвалидом до достижения им возраста 18 лет и фактически продолжающему его осуществлять и после достижения этим ребенком-инвалидом совершеннолетнего возраста и признания его инвалидом с детства, право на повышенную фиксированную выплату к страховой пенсии по старости.

Такое различное понимание судами условий признания инвалидов с детства находящимися на иждивении своих родителей в целях решения вопроса о наличии у этих родителей права на повышение фиксированной выплаты к установленной им страховой пенсии по старости, так или иначе основанное на применении части 3 статьи 17 Федерального закона «О страховых пенсиях» в нормативной связи с иными его положениями, свидетельствует о неопределенности данной нормы, позволяющей принимать прямо противоположные решения – как об установлении родителям инвалидов с детства повышенной фиксированной выплаты к страховой пенсии по старости в связи с наличием у них на иждивении нетрудоспособного иждивенца, так и об отсутствии правовых оснований для повышения такого рода выплаты к назначенной указанным лицам пенсии, а равно и для сохранения повышенной фиксированной выплаты к установленной родителю ребенка-инвалида страховой пенсии по старости после достижения этим ребенком-инвалидом 18-летнего возраста и признания его инвалидом с детства.

Тем самым практика реализации части 3 статьи 17 Федерального закона «О страховых пенсиях» свидетельствует о неопределенности ее нормативного содержания в системе действующего правового регулирования, которая порождает неоднозначное истолкование данного законоположения и, соответственно, возможность произвольного применения. В результате этого пенсионное обеспечение граждан, относящихся к одной категории – родители инвалидов с детства, нуждающихся в постоянном постороннем уходе и помощи (надзоре), осуществляется в разном размере, тем самым при реализации такими гражданами права на социальное обеспечение нарушается конституционный принцип равенства, означающий, помимо прочего, запрет различного обращения с лицами, находящимися в одинаковой или сходной ситуации, что противоречит Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (части 1 и 2) и 39 (часть 1).

6. Вместе с тем Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал, что без соблюдения общеправового критерия определенности, ясности и недвусмысленности правовой нормы, который вытекает из закрепленных в Конституции Российской Федерации, ее статьях 1 (часть 1), 4 (часть 2), 15 (части 1 и 2) и 19 (части 1 и 2), принципов правового государства, верховенства закона и юридического равенства, невозможно ее единообразное понимание и, соответственно, применение. Неоднозначность, нечеткость и противоречивость правового регулирования препятствуют адекватному уяснению его содержания, допускают возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения, ведут к произволу и тем самым ослабляют гарантии защиты конституционных прав и свобод. Поэтому самого по себе нарушения требования определенности правовой нормы может быть вполне достаточно для признания такой нормы противоречащей Конституции Российской Федерации (постановления от 20 декабря 2011 года № 29-П, от 2 июня 2015 года № 12-П, от 19 июля 2017 года № 22-П, от 16 марта 2018 года № 11-П и др.).

Таким образом, часть 3 статьи 17 Федерального закона «О страховых пенсиях» не соответствует Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (части 1 и 2) и 39 (часть 1), в той мере, в какой она в силу неопределенности нормативного содержания, порождающей на практике неоднозначное ее истолкование и, соответственно, возможность произвольного применения, допускает в системе действующего правового регулирования различный подход к решению вопроса о праве родителя инвалида с детства на сохранение после достижения этим инвалидом совершеннолетнего возраста и признания его судом недееспособным повышенной фиксированной выплаты к страховой пенсии по старости, установленной такому родителю, притом что он фактически продолжает осуществлять необходимые данному инвалиду с детства постоянный уход и помощь (надзор).

Вместе с тем, имея в виду возможность наступления негативных последствий, которые могут быть вызваны утратой силы и прекращением действия части 3 статьи 17 Федерального закона «О страховых пенсиях» в связи с признанием ее не соответствующей Конституции Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь пунктом 12 части первой статьи 75, статьями 79 и 80 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», считает целесообразным установить следующий порядок вступления настоящего Постановления в силу, а также особенности его исполнения:

федеральному законодателю надлежит – с учетом требований Конституции Российской Федерации и основанных на них правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в настоящем Постановлении, – в срок не позднее шести месяцев со дня вступления его в силу принять меры, направленные на устранение неопределенности нормативного содержания части 3 статьи 17 Федерального закона «О страховых пенсиях» в части условий признания недееспособного инвалида с детства, нуждающегося в постоянном постороннем уходе и помощи (надзоре), находящимся на иждивении своего родителя при определении права такого родителя на повышение фиксированной выплаты к установленной ему страховой пенсии по старости;

часть 3 статьи 17 Федерального закона «О страховых пенсиях», признанная настоящим Постановлением не соответствующей Конституции Российской Федерации, утрачивает силу с момента введения в действие нового правового регулирования.

7. В деле И.К.Дашковой, как следует из представленных документов, часть 3 статьи 17 Федерального закона «О страховых пенсиях» была истолкована судами как не предоставляющая родителю инвалида с детства, признанного судом недееспособным и нуждающегося в постоянном постороннем уходе и помощи (надзоре), право на сохранение повышенной

фиксированной выплаты к страховой пенсии по старости ввиду утраты этим инвалидом после достижения им совершеннолетнего возраста статуса иждивенца по отношению к своему родителю по причине одного лишь формального превышения размера дохода инвалида с детства над размером дохода его родителя и тем самым – как допускающая снижение размера пенсионного обеспечения такого родителя за счет уменьшения размера фиксированной выплаты к установленной ему страховой пенсии по старости, несмотря на то что этот родитель, фактически продолжая осуществлять уход за своим достигшим совершеннолетия ребенком-инвалидом – причем не только в порядке исполнения обязанности, возложенной на этого родителя Конституцией Российской Федерации (статья 38, часть 2) и семейным законодательством (пункт 1 статьи 63 и пункт 1 статьи 85 Семейного кодекса Российской Федерации), но и в силу биологической и социальной связи со своим ребенком-инвалидом, совместного проживания с ним и ведения общего хозяйства, – по-прежнему несет сопряженные с таким уходом значительные материальные затраты в целях поддержания жизнеобеспечения данного инвалида и удовлетворения его специфических нужд и потребностей, которые могут не покрываться за счет доходов самого инвалида и по этой причине фактически возлагаются на его родителя, в том числе в случаях, когда он сам является получателем пенсии.

Такое истолкование – в нарушение конституционного принципа равенства при реализации права на социальное обеспечение (статья 19, части 1 и 2; статья 39, часть 1, Конституции Российской Федерации) – ставит заявительницу, являющуюся матерью признанного судом недееспособным и нуждающегося в постоянном постороннем уходе и помощи (надзоре) инвалида с детства I группы, в худшее положение по сравнению с иными гражданами – родителями инвалидов с детства, по делам которых судами были вынесены прямо противоположные решения, а именно об установлении этим родителям повышенной фиксированной

выплаты к страховой пенсии по старости в связи с наличием на их иждивении инвалидов с детства.

Поскольку подобное истолкование привело к ограничению прав И.К.Дашковой, гарантированных статьями 19 (части 1 и 2) и 39 (часть 1) Конституции Российской Федерации, устранение которого – учитывая факт завершения рассмотрения дела заявительницы судами общей юрисдикции – невозможно иначе чем в рамках конституционного судопроизводства, Конституционный Суд Российской Федерации, рассматривающий данное дело в порядке конкретного нормоконтроля, руководствуясь пунктом 12 части первой статьи 75 и частью второй статьи 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», полагает необходимым установить, что правоприменительные решения, принятые по делу заявительницы на основании части 3 статьи 17 Федерального закона «О страховых пенсиях» в той мере, в какой она в силу неопределенности своего нормативного содержания признана не соответствующей Конституции Российской Федерации, подлежат пересмотру на основании настоящего Постановления.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79, 80 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать часть 3 статьи 17 Федерального закона «О страховых пенсиях» не соответствующей Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (части 1 и 2) и 39 (часть 1), в той мере, в какой она в силу неопределенности нормативного содержания, порождающей на практике неоднозначное ее истолкование и, соответственно, возможность произвольного применения, допускает в системе действующего правового регулирования различный подход к решению вопроса о праве родителя инвалида с детства на сохранение после достижения этим инвалидом совершеннолетнего возраста и признания

его судом недееспособным повышенной фиксированной выплаты к страховой пенсии по старости, установленной такому родителю, притом что он фактически продолжает осуществлять необходимые данному инвалиду с детства постоянный уход и помощь (надзор).

2. Федеральному законодателю надлежит – исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в настоящем Постановлении, – в срок не позднее шести месяцев со дня вступления его в силу принять меры по устранению неопределенности нормативного содержания части 3 статьи 17 Федерального закона «О страховых пенсиях» в части условий признания недееспособного инвалида с детства, нуждающегося в постоянном постороннем уходе и помощи (надзоре), находящимся на иждивении своего родителя при определении права такого родителя на повышение фиксированной выплаты к установленной ему страховой пенсии по старости.

3. Часть 3 статьи 17 Федерального закона «О страховых пенсиях», признанная настоящим Постановлением не соответствующей Конституции Российской Федерации, утрачивает силу с момента введения в действие нового правового регулирования.

4. Правоприменительные решения, принятые по делу гражданки Дашковой Инны Константиновны на основании части 3 статьи 17 Федерального закона «О страховых пенсиях» в той мере, в какой она признана не соответствующей Конституции Российской Федерации, подлежат пересмотру на основании настоящего Постановления.

5. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

6. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть

опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Конституционный Суд
Российской Федерации

№ 20-П